Гадеев А.В.

НАЧАЛО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

По теме «Вторая мировая война» продолжают публиковаться большое количество статей, научных исследований. Это объясняется постоянным интересом современного читателя к данной теме. *Целью* данной статьи является удовлетворение запросов читателей, интересующихся предысторией Второй мировой войны. Для любителей истории она послужит введением во всю огромную тематику, а специалисты найдут здесь, помимо изложенных результатов тщательных исследований, еще и идеи, побуждающие их критически отнестись к некоторым устоявшимся взглядам.

Автор статьи опирался в своей работе на труды известных российских и украинских авторов, в частности: М. Семиряги, А. Некрича, известных немецких историков Вольфганга Михалки, Герхарда Шрайдера и др.

Вторая мировая война с её 56 миллионами погибших по настоящее время – крупнейший конфликт в человеческой истории.

Подобно всем войнам, она преподнесла участвовавшим в ней сторонам великие победы и великие поражения; проигранные и выигранные сражения; переломные моменты; блестящие планы и утерянные возможности; тактические успехи и технические неудачи своих великих лидеров и тех, которых судили или объявили в розыск; свои ужасы и свой героизм; свою человеческую драму.

И всё же Вторая мировая война уходит в прошлое. Несколько поколений сейчас узнают о ней не по личному опыту, а только как о тёмной и опасной, но волнующей грозовой туче над мрачным прошлым. Для тех, кто родился после Второй мировой войны, герои и злодеи – привычные персонажи тех великих лет – живут лишь как призраки, полузабытые фигуры истории. При проведении одного социологического опроса российским гражданам был задан вопрос: «Кого вы считаете ответственным в развязывании Второй мировой войны?» Большинство ответило, что СССР.

Результат поразительный. Причины подобной исторической амнезии лежат в общей негативной оценке всего того, что было связано с СССР.

Вторая мировая война – это имена, даты и сражения, бурный потоп, сметающий на своём пути всё. Историческое сознание современного поколения во многих случаях размыто. Война – величайшая трагедия, поставленная на сцене человеком. В её начале, причинах возникновения, в масштабах громадности отдельные трагедии, которые составляют целое, легко могут затеряться. Историческое сознание должно постоянно формироваться и формироваться через приобщение молодёжи к серьезным научным исследованиям.

Мировой порядок, организованный Англией и Францией после Первой мировой войны, более или менее удовлетворял все европейские страны, все, кроме Германии. «Поражение центральных держав и Версальский договор, сделавший акцент на самоопределение наций, изменил карту Европы» – пишет Хэнсон Болдуин в книге «Сражения выигранные и проигранные» (новый взгляд на крупные военные компании Второй мировой войны). По условиям Версальского договора Эльзас и Лотарингия, а также саарские угольные копи отходили к Франции, земли Эйпен, Мальмеди и Моренэ отошли к Бельгии, Шлезвиг-Гольштейн – к Дании, часть Верхней Силезии – к Польше. Восточная Пруссия была отделена от территории Германии «Польским коридором». Все заокеанские колонии Германии поделили между собой союзники (те же Англия и Франция). Германия обязывалась выплатить союзникам 20 млрд. «золотых» марок, сумма по тем временам неслыханная.

Была полностью подорвана военная мощь Германии. Союзникам передавались: 5 тыс. орудий, 30 тыс. пулемётов, 300 подводных лодок, практически весь военный флот, 5 тыс. паровозов, 150 тыс. вагонов, 5 тыс. грузовиков и т.п. Была запрещена всеобщая воинская повинность (а значит, возможность иметь массовую армию), Германии позволялось иметь всего-навсего 100-тысячный рейсхвер. В демилитаризованной Рейнской зоне находились войска союзников, содержащиеся за счёт самих немцев. Таким образом, Германия из великой державы превратилась во второразрядную страну, да ещё под контролем Англии и Франции. Надо ли говорить, что немецкий народ на протяжении 20 лет стремился изменить существующий порядок вещей.

Смелый новый мир, сохранённый для демократии, как стало очевидно, скорее был тем же, но подлатанным старым миром. Краткосрочный демократический эксперимент Германии – Веймарская республика – сопровождался множеством проблем. Большая часть населения Германии винила правительство недолговременной республики за подписание Версальского договора, за насаждение в их стране психологии вины за войну, за «сдачу» Эльзаса-Лотарингии, большей части Пруссии и части Силезии, за принятие на себя обязательства по расшатывающим экономику репарациям и за сокращение немецкой армии и флота, некогда бывшим предметам гордости, до 100-тысячных полицейских сил без танков и самолётов и 15-тысячных патрульных береговых сил.

За стремительной инфляцией и зарождающейся анархией через несколько лет последовала безработица – результат всемирной депрессии, которая началась в 1929 году. Экстремисты левого и правого толка – коммунисты и коричневые – воевали на улицах за превосходство, а в 1933 г. к власти пришёл Адольф

Гитлер, что ознаменовало начало одного из самых тёмных периодов в современной истории человечества.

Если попытаться дать краткое научное объяснение возникшей ситуации в мире в тот период, то это будет выглядеть следующим образом. Разрушение традиционной системы государств в результате Первой мировой войны, пошатнувшееся господство правящих кругов и мировой экономический кризис, поставивший под вопрос неустойчивый новый порядок, установленный в Европе в 1919-1920 гг.. (Версальская система) и в Восточной Азии в 1921-1922 гг.. (Вашингтонская конференция), обусловили успех Германии, Италии и Японии, то есть державам, жаждившим насильственного изменения статус-кво. Независимо от распространённой точки зрения на исторические события возникновения Второй мировой войны следует расценивать исторически, то есть в контексте дезорганизации международного порядка, или «анархии интересов».

В 1897 году в Мюнхене вышла «Политическая география» Ф. Ратцеля. Эту книгу Гитлер зачитал до дыр, находясь в Ландсбергской тюрьме за участие в путче 1923 года. Основной тезис «отца» немецкой геополитики гласил: «Природа государств такова, что они развиваются, борясь с соседними государствами, причём наградой в борьбе в большинстве случаев становятся части территорий… Разложение каждого государства происходит при его отказе от концепции большого пространства». Ратцель полагал, что для немцев необходимое «жизненное пространство» составляет около 5 млн. квадратных километров, то есть в 10 раз больше территории самой Германии. С самого начала Гитлер был привержен идеи превосходства главенствующей расы, экспансионизма, проводимого путём хитрости, обмана и диктатуры.

Впитав идеи Ратцеля, словно губка, Гитлер внёс свои коррективы в геополитическую доктрину фашистской Германии. Он считал, что границы Германии должны быть «территориально-расовые», то есть охватывающие всё «жизненное пространство», необходимое для существования и роста германской расы. «Разумеется, такая территориальная политика никак не может быть выполнена в Камерунах, но исключительно в Европе», «поэтому для Германии единственная возможность проведения здоровой территориальной политики заключается только в приобретении новой земли в самой Европе». Понимая, что «сплошное пространство» в десять Германий Европа явно не вместит, Гитлер переводит вектор геополитики на Восток. Цели «новой» германской внешней политики и попытки их реализовать явились существенными причинами возникновения войны в 1939 году, так что в новейших исследованиях совершенно справедливо говориться о развязывании войны политикой Гитлера. Однако, при рассмотрении причин Второй мировой войны, не следует забывать и о долговременных предпосылках, которые в межвоенный период лежали в основе международной системы, способствовали и, пожалуй, предопределили возможность проведения опасной для дела мира политики.

Идеи Гитлера легко проникли в сознание большинства немцев. Ничего подобного не происходило в СССР. Сталинское руководство вполне устраивали масштабы страны. Верхушка, занятая партийными чистками и террором в стране, больше думала о сохранении собственной власти, нежели о территориальных расширениях за счёт Европы. Сталин никогда не был сторонником «перманентной» революции, которую исповедовал его заклятый враг Л.Троцкий, и не собирался посылать революционные войска в европейские или азиатские страны. Он предпочитал «взрывать» их изнутри путём создания и поддержки компартий в этих странах. Для этих целей и был создан Коминтерн. В отличие от гитлеровской, советская пропаганда внедряла в сознание советского народа как раз оборонительные принципы вроде тех, что «чужой земли мы не хотим, но и своей не отдадим ни пяди», или «кто с мечом к нам придёт, тот от меча и погибнет». А бодренький девиз, что воевать мы будем на чужой земле и малой кровью, никак не тянет на агрессивную геополитическую доктрину, это скорее похоже на шапкозакидательство, так характерное для стиля советского руководства. В мемуарах советника в германском посольстве в Москве Густава Хильгире указывается, что советская дипломатия в первую очередь руководствовалась серьёзными соображениями обеспечения безопасности страны. Наукой с выходом в свет «Справочника по Восточной Европе» («Остэуропа хандбух»), в котором исследована внешняя политика СССР на всех её этапах до 1941 года, было ещё раз всесторонне показано, что центральную роль в ней всегда играли интересы безопасности. Заслуга этой публикации состоит также и в том, что в ней выявлены внутренние предпосылки для такой внешней политики. Там, помимо всего прочего, показана взаимосвязь сталинской внешней политики с советскими методами индустриализации, раскрыты те жертвы, которые понесли экономика, общество и государство в результате постановки нереальных целей при планировании, всё новых волн «чисток» и связанных с ними массовой ликвидации специалистов, а также в результате экономического хаоса и недостаточной производительности труда. Эти удары, отбросившие страну назад, должны были непременно сказаться и на оборонных возможностях Советского Союза.

Согласно Версальскому договору, Германия должна была иметь армию в 100 тысяч человек. Со 100-тысячным рейсхвером воевать было невозможно. Гитлер это прекрасно понимал, поскольку в момент прихода его к власти германская армия состояла из 7 пехотных и 3 кавалерийских дивизий сокращённого состава. Понимая, что без массовой армии невозможно осуществить свои замыслы, гитлеровское правительство 16 марта 1935 года, нарушая ст.173 Версальского договора, приняло «Закон о строительстве вермахта» – вооруженных сил, состоящих из армий, авиации и флота. По этому закону в Германии вводилась всеобщая воинская повинность для мужчин («чистокровных арийцев») от 18 до 45 лет. К 1939 году вооружением было обеспечено 100 дивизий. Подобные темпы ошеломляли самих немецких генералов. Говоря о наращивании военной мощи фашистской Германии, хотелось бы отметить роль иностранных компаний, поставлявших ей военную технику и вооружение. Только американские капиталовложения в немецкую экономику составили сотни миллионов долларов.

Научно-технический уровень немецкой промышленности был достаточно высок. Немцы первыми стали делать патронные гильзы из железа вместо дефицитной латуни, а также производить синтетический бензин и масла для самолётов. Не оставлялось без внимания ни одной детали. Если у бойца Красной Армии за плечами был «сидор» с парой портянок и куском хозяйственного мыла, то у «зольдата» из вермахта – удобный ранец с термосом кофе, плиткой шоколада и тому подобными приятными мелочами.

Таким образом, к началу Второй мировой войны у Гитлера имелась отлично вооружённая и укомплектованная, боеспособная армия, где каждый солдат «знал свой манёвр» и слепо верил своему фюреру.

В СССР мы видим иную картину. Несмотря на то, что по отчётам за годы первых пятилеток были построены 1500 крупных предприятий и заложены основы станкостроения, авто- и тракторостроения, химической, авиационной промышленности и т.п., на самом деле всё это выглядело не так убедительно. Многие заводы были недостроены и неукомплектованы необходимым оборудованием, хотя на бумаге значились как действующие. Планы первых пятилеток с треском провалились. Сталинские репрессии привели к тому, что Красная Армия оказалась деморализована, а дивизии и полки остались без опытных командиров. Качественный уровень высшего и среднего командирского состава резко снизился. Неудачная финская кампания подтвердила эти выводы. Новейшая военная техника в виде самолётов, танков «Т- 34», «КВ», «ИС», реактивных миномётов «Катюша» и т.п. не была запущена в массовое производство и общей погоды не делала, что и показал первый год войны.

Таким образом, ни экономически, ни в военном плане СССР не был готов к войне. Эта неготовность к большой войне как раз и объясняется тем, что у сталинского руководства не было такой геополитической доктрины как у Гитлера. Сталин, как и всякий диктатор, был агрессивен, но эта агрессия была направлена не во вне, как у Гитлера, а внутрь собственной страны. Сталина справедливо обвиняют в массовых репрессиях против собственных народов и насаждении коммунистической идеологии во всём мире, но нет оснований обвинять его в развязывании войны, которой он панически боялся и всячески оттягивал её начало. В интервью известного советского историка Александра Некрича с маршалом Ф.И.Голиковым, тогдашним руководителем советской военной разведки, последний подтвердил, что Сталин вплоть до 22 июня 1941 года твёрдо придерживался убеждения, что главным врагом Советского Союза является Великобритания, которая сделает всё, чтобы пожать плоды вооруженного столкновения между Германией и СССР. Поэтому Сталин добивался сохранения нейтралитета в войне любой ценой. Генерал Григоренко сообщил в своё время в печати, что предшественник Голикова на этом посту, Проскурин, незадолго до начала войны представил Политбюро доклад от имени начальника ГРУ Генеральского штаба о том, что развёртывание немецких войск создаёт серьёзную военную угрозу Советскому Союзу. Поскольку же Проскурин не смог убедить в этом Сталина и наркома внутренних дел Берию, он уже на следующий день был арестован и расстрелян.

Говоря о большой европейской политике накануне войны, хотелось бы отметить странную нерешительность двух великих держав того времени в противодействии Гитлеру. Эти действия Англии и Франции в исторической науке получили определение – политика «умиротворения» Гитлера. Министр иностранных дел Франции Луи Барту выдвинул идею договора о коллективной безопасности в Европе.

После переговоров с СССР было решено привлечь к участию в пакте и Германию. Понимая, что участие в таком договоре свяжет ему руки, Гитлер вместо коллективного договора о взаимопомощи предложил двусторонние пакты о ненападении. Вслед за Германией от Восточного пакта отказалась Польша, полагая, что её 30 дивизий сдержат гитлеровцев. Гитлеровская дипломатия не допустила создания коллективной безопасности в Европе, заменив её системой двусторонних пактов о ненападении. Второй успех заключался в том, что Гитлер, уверяя Англию и Францию в своём миролюбии к ним и нацеленности на СССР, сумел значительно усилить свои позиции. В марте 1936 года силами трёх батальонов немецкие войска захватили Аахен, Саарбрюкен и Трир, то есть ту самую демилитаризованную Рейнскую зону. Если бы хоть одно французское подразделение вошло в эту зону, немцы немедленно бы убрались оттуда, поскольку «французская армия прикрытия могла разбить нас вдребезги» – признался в Нюрберге генерал Йодль. Тогда можно было остановить Гитлера, поскольку Германия не была готова к большой войне, но ни Англия, ни Франция не сделали этого. Далее последовал «аншлюс» Австрии и она стала составной частью Германии. И, наконец, вершиной политики «умиротворения» стал Мюнхенский сговор 1938 года, когда Германии была отдана Чехословакия. Правительства Англии и Франции полагали, что, подписав в Мюнхене договор с Германией и отдав ей Чехословакию, они получат мир в Европе, а Гитлер наконец-то займётся СССР. Но они невнимательно читали «Mein Kampf», где Гитлер писал, что произведёт с Францией «окончательный расчёт действием». Разгром Франции рассматривался им как средство обеспечения германского тыла на Западе перед походом на Россию. Гитлер старался учесть ошибки кайзеровской Германии и избежать войны на два фронта. В современных условиях многие ученые пытаются дать переоценку военным способностям Гитлера. «Его умение овладевать деталями, его чувство истории, его поразительная память, его стратегическое видение – всё это имело свои изъяны, но, рассматриваемые в холодном свете объективной военной истории, они были, тем не менее, блестящи. Восточная кампания, прежде всего, была его делом, и его неистовая и магнетическая личность определила её ход, даже и в поражении. После войны Гитлера сделали козлом отпущения всех ошибок и просчётов германской военной политики. Но анализ событий на Востоке показывает, что случаев, когда Гитлер был прав, а Генеральный штаб – нет, было гораздо больше, чем этого бы хотелось апологетам германской армии» – пишет Анан Кларк в книге «План «Барбаросса»» (Крушение Третьего рейха 1941–1945 гг..). Таким образом, к сентябрю 1939 года он настолько усилился, что смог открыто, не таясь, перейти к осуществлению своих глобальных планов. Понимая, что Гитлер нападёт на СССР, Сталин решился заключить с Германией двусторонний договор о не-

нападении. Это и был тот самый пакт Молотова-Рибентропа. Вряд ли его следует расценивать как компромисс между двумя равновеликими диктаторами, поделившими Европу. Известный российский учёный М.И. Семиряга рассматривает сталинскую внешнюю политику в контексте с провозглашенной программной целью советского руководства: гарантировать безопасность государства при любом повороте событий. Сталин не сумел адекватно использовать возможности для создания антинацистской модели внешнеполитического союза. Его безальтернативно дружественная политика по отношению к Германии привела в начале сентября 1939 года в внешне политической изоляции СССР. Единственным реальным политиком, задававшим темп и направление большой политики, был Гитлер, который не собирался ни с кем ничего делить. Этим пактом он обезопасил свои восточные границы перед походом на Францию. Сталин же перенёс на сотни километров западные границы СССР, а кроме того, получил передышку на небольшое время, поскольку не питал никаких иллюзий насчёт миролюбия Гитлера. В декабре 1941 года немцы не дошли до Москвы каких-то 50 км. Вполне возможно, что вермахт, преодолевая эти сотни километров новых земель СССР, теряя время, технику и сотни тысяч солдат, уже не имел сил для решающего броска на Москву. «Блицкриг» провалился, что, в конечном счёте, изменило ход Второй мировой войны.

Очарование личностей одновременно и манит, и губит военного исследователя, который обязан ограничиваться беспристрастным изучением фактов. Но в оценке Великой Отечественной войны, которая в действительности была войной между абсолютными монархиями, нельзя не считаться с тем, что взаимодействие личных мотивов соперников часто имело решающее значение. Человеческие слабости – жадность и честолюбие, страсть и жестокость, - как можно убедиться, прямо воздействовали на проведение операций.

Литература

1. Хэнсон Болдуин. Сражения выигранные и проигранные. Новый взгляд на крупные военные кампании Второй мировой войны. – М.: Центрполиграф, 2002. – С. 9.
2. Hoffmann. Lesebrict, B: FAZ, 16.10.1986.
3. Бианки Пистров-Энкер. Германия в июне 1941 года – жертва советской агрессии? В кн. Вторая мировая война. – М.: Весь мир. –1997 г. – С. 470.
4. Анан Кларк. План «Барбаросса». Крушение Третьего рейха 1941-1945. – М.:Центрполиграф, 2002. –с. 6.

Голосова Т.М.

АСПЕКТУАЛЬНО-ТЕМПОРАЛЬНЕ СПІВВІДНОШЕННЯ ФОРМ ДІЙСНОГО ТА УМОВНОГО СПОСОБІВ В СИСТЕМІ КАТЕГОРІЙНОЇ СИТУАЦІЇ ТРИВАЛОСТІ ХУДОЖНЬОГО ТЕКСТУ

Мета статті – аналіз аспектуально-темпорального співвідношення форм дійсного та умовного способів в системі категорійної ситуації тривалості художнього тексту. Основне *завдання* публікації виявити взаємодію аспектуально-темпоральних характеристик, які зумовлюють формування зовнішньотемпоральної семантки у формі дійсного та умовного способів.

Семантика тривалості в сучасному мовознавстві становить один з основних типів значення дієслівних форм, оскільки кожна така форма представляє дію, протікання якої займає певний проміжок часу, характеризується визначеною чи невизначеною тривалістю, абсолютна величина якої може відповідати як окремій точці, так і нескінченній прямій на шкалі часу [Буданова, 1992:10].

В аспектологічних дослідженнях тривалість становить інваріантну або варіантну ознаку, що є головною насамперед для форм недоконаного виду: континуальність, процесність, розгортання у часі [Золотова, 1985:44-45, див. також П.Еслон, А.Пихлак, 1993], в цілому характеризує семантику виду [А.В.Бондарко,1976, Тимберлейк, 1985 та ін.] або є лише складником частково видових значень форм недоконаного виду: актуально-тривалого, узуального, узагальненого тощо [Падуче ва, 1996].

Останнє тлумачення категорійного значення тривалості покладене в основу функціонально-семантичної субкатегорії аспектуальності, де тривалість кваліфікується як один з компонентів відображеного в мові часу [Теория функциональной граматики..., 1987:98].

Вказане визначення тривалості пов'язується у функціональній граматиці з визначеннями внутрішньої тривалості дії та зовнішньої детермінації тривалості, а отже, об'єднує поняття граматичної категорії тривалості виду з тривалістю, що формується на основі взаємодії зазначених граматичних форм з елементами контексту.

Тривалість на рівні текстової макроструктури становить темпоральну макрокатегорію цілісного періоду часу, що характеризує серію дій у вигляді динамічного необмеженого процесу. Зміст тривалості абзацу-макроструктури реалізується як лексичним значенням дієслова, так і його видовими характеристиками, тобто дієслівними формами недоконаного виду теперішнього, минулого та майбутнього часу в мові персонажа, що формують репродуктивний, інформативний регістри, які, власне, складають домінанту у вираженні вказаної категорії аспектуальності, а також лінгвістичними компонентами – дієсловами умовного та наказового способу, що розгортаються у волюнтивному та реактивному коммунікативних регіст-